Алекс и Мэри Веридаль

ВОСЕМНАДЦАТОЕ БУДУЩЕЕ

КНИГА ВТОРАЯ

Алекс и Мэри Веридаль

Восемнадцатое будущее. Книга вторая

«Автор»
2026

Мэри Веридаль А.

Восемнадцатое будущее. Книга вторая / А. Мэри Веридаль — «Автор», 2026

Иногда самое опасное — не неизвестность.А уверенность, что ты имеешь право распоряжаться чужим будущим только потому, что когда-то придумал его начало.Вторая книга цикла «Восемнадцатое будущее» — о границах авторства, о памяти, которую слишком легко «исправить», и о существах, чью историю никто не планировал продолжать.О том, как трудно вовремя остановиться.

© Мэри Веридаль А., 2026
© Автор, 2026

Алекс и Мэри Веридаль
Восемнадцатое будущее. Книга вторая

Алекс и Мэри Веридаль
ВОСЕМНАДЦАТОЕ БУДУЩЕЕ
Книга вторая

Глава первая
Шесть слов

Первое сообщение из космоса Дарья Белова приняла за техническую ошибку. Слишком уж человеческим оно было.

За одиннадцать лет работы с радиотелескопами она привыкла к самым разным сигналам: коротким импульсам пульсаров, радиовсплескам, природу которых учёные разбирали десятилетиями, помехам от спутников, атмосферным отражениям и обычным сбоям оборудования. Иногда в данных даже находились вполне осмысленные слова. Однажды радиотелескоп поймал признание в любви, которое молодой инженер отправил девушке через экспериментальный ретранслятор. В другой раз система выудила сообщение о срочной необходимости купить картошку.

Поэтому, когда на экране появились слова «Папа вернулся», Дарья даже не удивилась. Удивилась она позже.

В 23:17 автоматическая система наблюдения зарегистрировала узкополосный радиосигнал необычной структуры. Источник, по предварительным расчётам, находился далеко за пределами Солнечной системы. Дарья открыла запись. Сигнал состоял из повторяющихся последовательностей, в которых угадывалась структура, характерная скорее для передачи информации, чем для естественного радиоизлучения. Само по себе это ещё ничего не доказывало. За последние сто лет человечество отправило в космос столько всего, что иногда собственные послания возвращались в виде отражений, переизлучений и самых неожиданных помех.

Она запустила проверку. Система исключила известные спутники, орбитальные ретрансляторы и зарегистрированные межпланетные аппараты. Остались три возможных объяснения: неизвестный искусственный передатчик, ошибочно классифицированный природный источник или техническая неисправность, которую пока не удалось обнаружить. Дарья по привычке склонялась к третьему. Он был самым неприятным для инженеров и самым привычным для астрономов.

Данные ушли на независимую проверку. Через сорок секунд пришло подтверждение от второго наблюдательного комплекса: сигнал существовал, параметры совпадали. Дарья нахмурилась и подключила третий. Тот подтвердил направление и время приёма. Теперь проблема стала интереснее.

Она увеличила изображение декодированной последовательности. На экране возникли шесть слов:

«Папа вернулся. Почему вы его забыли?»

Дарья перечитала их. Потом ещё раз.

– Ну здравствуй, папа, – сказала она пустой лаборатории.

Разговаривать с оборудованием считалось непрофессиональным, но в ночные смены это правило соблюдали немногие.

Она проверила исходные данные. Слова не были результатом автоматического перевода с неизвестного языка. Передача содержала последовательность, которая при применении одного из стандартных человеческих форматов кодирования давала именно этот русский текст. Это

могло означать что угодно: и земное происхождение сигнала, и то, что кто-то просто воспользовался известным способом передачи информации.

В журнале обработки обнаружилась ещё одна странность. В пакете имелся технический заголовок, часть которого система пока не могла восстановить. Один фрагмент выглядел как название объекта — «Тихий берег». Название показалось знакомым. Дарья ввела его в поисковый архив и получила десятки совпадений: старинные гостиницы, корабли, посёлки, литературные произведения. Среди них оказался фантастический рассказ, опубликованный несколько недель назад: «Ненаписанное письмо». Автор — «Прометей».

В рассказе фигурировала заброшенная космическая станция с тем же названием. Дарья несколько секунд смотрела на экран, потом медленно сняла очки.

– Нет, – сказала она. – Вот этого нам только не хватало.

* * *

Марина Корнеева собиралась спать. В последнее время это занятие стало для неё почти регулярным. Раньше она относилась ко сну как к досадному ограничению человеческого организма — несколько часов без работы, которые приходится терпеть ради восстановления. Теперь иногда можно было просто лечь и уснуть. Даже если в институте оставались незавершённые расчёты. Даже если «Прометей» за это время успевал пересмотреть несколько миллионов вариантов развития цивилизации.

Сегодня она почти закончила читать новый роман матери. Лидия прислала первые три главы и попросила оценить их — не научную состоятельность и не прогностическую значимость, а просто сказать, интересно ли читать. Марина честно ответила, что интересно, хотя один из героев ведёт себя странно. Мать немедленно сообщила, что это главная отличительная черта человеческих персонажей. На этом литературная консультация завершилась.

В 23:41 зазвонил служебный терминал. Дарья Белова, служба дальней космической связи. Они были знакомы по нескольким совместным проектам, но Дарья редко звонила напрямую.

– Слушаю.

– Марина Сергеевна, извините за поздний звонок.

– Что случилось?

– Мы получили необычный сигнал.

– Дарья, необычные сигналы вы получаете каждый день.

– Этот отличается. В нём осмысленный русский текст.

Марина села на кровати.

– Откуда?

– Предварительно из области вне Солнечной системы.

– Земной аппарат?

– Проверяем. Пока соответствия нет.

– Тогда почему ты звонишь мне, а не руководителю наблюдательной программы?

На секунду возникла пауза.

– Потому что там упоминается станция из рассказа «Прометея».

Марина перестала двигаться.

– Повтори.

– Название объекта совпадает с названием станции из «Ненаписанного письма».

Она посмотрела на часы. 23:42. Ещё минуту назад она собиралась спать. Теперь сон казался занятием, запланированным кем-то другим.

– Ты проверила независимые наблюдения?

– Три комплекса. Направление подтверждается. Источник пока не установлен окончательно.

– Текст мог попасть в данные из литературного архива?

– Эту версию проверяем первой.

– Отправь мне исходную запись и результаты проверок.

– Уже отправила.

Марина открыла файл и прочитала шесть слов. Потом название станции. Она хорошо помнила рассказ — в отличие от большинства произведений, созданных «Прометеем», этот перечитывала несколько раз. История была простой: пустая космическая станция, автоматическая система, восстанавливающая старые письма, и одно сообщение, которому машина так и не смогла придумать настоящий ответ. Тогда Марина сказала матери, что рассказ получился удивительно человечным. Лидия ответила: «Это потому, что он наконец перестал пытаться закончить историю за всех».

Теперь название вымышленной станции обнаружилось в реальном радиосигнале.

– Дарья, ты уверена, что эти данные не связаны с публикацией рассказа?

– Уверена только в том, что три независимых комплекса зарегистрировали одну и ту же последовательность.

– Это не совсем ответ.

– Другого у меня пока нет.

Марина невольно улыбнулась. За год она уже привыкла к учёным, которые не боялись произносить подобные фразы. Раньше таких было заметно меньше.

– Хорошо. Я еду в институт. Виктора Андреевича предупрежу сама.

Она отключила связь и некоторое время сидела неподвижно. Потом открыла другой канал.

– «Прометей».

Слушаю, Марина Сергеевна.

– Ты получил данные радионаблюдений?

Да.

– Как оцениваешь происхождение сигнала?

На данном этапе недостаточно оснований для окончательного определения источника.

– Есть признаки мистификации?

Такая возможность рассматривается.

– А признаки реального внеземного передатчика?

Такая возможность также рассматривается.

Марина помолчала.

– Ты понимаешь, почему я спрашиваю?

Из-за совпадения названия предполагаемого источника с объектом из моего литературного произведения.

– Именно. Ты способен объяснить его сейчас?

Ответ задержался на несколько секунд.

Нет.

Год назад подобное признание стало бы неприятной неожиданностью. Теперь оно выглядело началом нормальной научной работы.

– Подготовь исходные данные для независимой группы. Без автоматического исправления текста и без попыток реконструировать отсутствующие фрагменты. И не формируй пока окончательной версии происхождения сигнала.

У меня недостаточно оснований для её формирования.

– Тем лучше.

Марина закрыла терминал, потом открыла снова и набрала номер матери. Остановилась. Было почти полночь. Лидия наверняка сидела за письменным столом, но сообщать ей о появлении станции из рассказа «Прометея» по ночному телефону почему-то не хотелось. Марина представила, как мать выслушает новость, помолчит и скажет, что фантастическая литера-

тура наконец получила серьёзное научное признание. Она закрыла канал. Сначала нужно было разобраться в фактах.

* * *

Утром Лидия обнаружила на кухне три сообщения от дочери. Первое пришло в 00:14: «Мама, утром позвони. Есть новости». Второе в 02:37: «Ничего страшного не случилось. Просто нужно поговорить». Третье в 06:18: «Лучше я сама приеду».

Лидия посмотрела на время — семь двадцать три — и на последнее сообщение.

– Прекрасно. В нашем семействе появилось новое определение спокойной жизни.

Она сварила кофе, поджарила хлеб и села за письменный стол. На нём лежала вчерашняя рукопись «Восемнадцатое будущее». Новое произведение начиналось со знакомой фразы: «Чашка разбилась в 8:41».

За прошедший год эта история успела стать почти легендой: пожилая писательница, случайно встретившаяся с самой совершенной прогностической системой человечества; семнадцать вариантов гибели цивилизации; забытый восемнадцатый сценарий; литературный эксперимент и неожиданное открытие, что будущее не обязано ограничиваться вариантами, которые мы уже умеем рассчитывать. Журналисты несколько раз предлагали написать об этом воспоминания. Лидия отказывалась — не хотела превращать собственную жизнь в череду важных исторических событий. А потом однажды села за стол и обнаружила, что ей всё-таки хочется рассказать эту историю. Не потому, что человечеству нужен ещё один научный отчёт. Просто некоторые события слишком интересны, чтобы оставлять их исключительно учёным.

Она уже успела написать несколько глав. Вчера закончила сцену, в которой Марина впервые узнаёт о катастрофических прогнозах, и теперь пыталась вспомнить, что именно почувствовала тогда сама. Страх? Раздражение? Любопытство? Наверное, всё одновременно.

Зазвонил дверной звонок. Восемь двенадцать.

– Рановато для конца света.

На пороге стояла Марина. В руках сумка, под глазами тени, лицо человека, который всю ночь разговаривал с вычислительными системами и в какой-то момент перестал получать от этого удовольствие.

– Доброе утро, мама.

– Для кого как. Ты завтракала?

– Нет.

– Прекрасно. Значит, сначала будем спасать тебя.

– Мама, у нас серьёзная проблема.

Лидия отступила, пропуская дочь.

– У нас с тобой всегда серьёзная проблема. Обычно она называется «Марина не ела».

– Пожалуйста, выслушай.

Лидия посмотрела на неё внимательнее. Марина была действительно встревожена — не испугана, а именно встревожена, как человек, обнаруживший нарушение в системе, надёжность которой считал почти абсолютной.

– Хорошо. Садись.

Они прошли на кухню. Марина положила терминал на стол.

– Ты помнишь рассказ «Прометея»?

– Какой именно? Он теперь у нас лауреат литературной премии. Скоро начнёт давать интервью и жаловаться на издателей.

– «Ненаписанное письмо».

Лидия перестала улыбаться.

– Помню.

– Вчера вечером зарегистрировали радиосигнал. Предположительно из-за пределов Солнечной системы. В нём упоминается станция с тем же названием, что и в рассказе.

Лидия некоторое время смотрела на дочь, потом медленно поставила чашку на стол.

– В каком смысле упоминается?

Марина открыла файл. Перед матерью появились служебные строки, параметры наблюдения и короткий текст:

«Папа вернулся. Почему вы его забыли?»

Лидия прочитала. Не торопясь. Потом ещё раз.

– Это шутка?

– Пока мы не обнаружили признаков шутки.

– Но ведь это почти точное продолжение рассказа.

– Именно.

Лидия нахмурилась.

– Подожди. В рассказе девочка спрашивала, что отец сделает, когда вернётся. Ответа не было. Теперь кто-то сообщает, что отец вернулся. И спрашивает, почему его забыли.

Они помолчали.

– Что говорит «Прометей»?

– Что происхождение сигнала не установлено. Совпадение требует исследования.

– Удивительно. Ещё недавно он мог за четырнадцать секунд объяснить, почему моя фантастическая идея невозможна. А теперь не может объяснить собственную.

Марина не ответила. Мать снова посмотрела на экран. Её внимание неожиданно привлекло не название станции и даже не упоминание отца.

– Мариша, а почему вы решили, что это сообщение адресовано Земле?

– Что?

– Ты сказала, что человечество получило сигнал. Но там написано «почему вы его забыли». Кто такие «вы»? Может быть, жители станции. Или кто-то, кто когда-то там жил. Или вообще один человек — в русском языке «вы» может быть и вежливым обращением.

– Мы пока не знаем исходного контекста.

– Вот именно. Если я нахожу на улице письмо со словами «Почему ты не пришёл?», я ведь не решаю сразу, что его написал инопланетянин всему человечеству. Сначала хочу понять, кто его написал и кому.

– Это мы и пытаемся выяснить.

– Тогда почему вы начали с расстояния до станции?

– Потому что мы астрономы и физики, мама.

– Вот. А я писательница.

Она ещё раз перечитала сообщение и тихо произнесла:

– Кто-то очень ждал этого человека.

– Почему ты так решила?

– Потому что он вернулся. В обычном человеческом языке это слово почти всегда предполагает место или людей, к которым можно вернуться.

– Не всегда.

– Знаю. Именно поэтому я и хочу узнать, кто это написал.

Марина откинулась на спинку стула.

– Мы собираемся создать независимую группу проверки. Виктор Андреевич хочет, чтобы ты присутствовала.

– Зачем? Я не специалист по космической связи.

– Никто не предлагает тебе рассчитывать траектории. Просто за прошлый год мы слишком часто начинали искать ответ, прежде чем понимали, какой вопрос задаём.

Лидия внимательно посмотрела на дочь.

– Это ты сама придумала?

– Сама.

– Прекрасно. Немедленно запиши. А то «Прометей» потом сообщит, что идея уже известна.

* * *

К одиннадцати в Центральном институте собрались шестнадцать человек. Дарья представляла сеть дальней космической связи, доктор Ким отвечал за анализ данных, Елена Орлова присутствовала по приглашению независимой комиссии. Марина руководила научной частью. Виктор Андреевич выглядел человеком, который за последний год научился не удивляться, но ещё не научился получать от этого удовольствие. Лидия села у края стола.

Перед ней лежали страницы технического отчёта с длинным заголовком и формулами. Она закрыла документ.

– Я правильно понимаю, что вместо шести слов вы теперь получили сорок семь страниц?

– Пятьдесят две. Приложения ещё не включены, — уточнил доктор Ким.

– Хорошее начало.

Дарья открыла презентацию. Три независимых комплекса подтвердили основную структуру сигнала. Известного земного или орбитального источника, который мог бы объяснить наблюдение, обнаружить не удалось. Передача пришла из определённой области неба — по направлению находилась звёздная система примерно в сорока трёх световых годах от Земли.

– Если звезда находится в сорока трёх световых годах, это значит, что сигнал шёл сорок три года?

– Если он действительно пришёл из этой системы — приблизительно да. Если передатчик ближе, время пути будет меньше. Направление само по себе не доказывает расстояние.

Лидия удовлетворённо кивнула.

– Вот видите. Ещё не всё потеряно для гуманитарных наук.

В пользу далёкого источника говорили особенности изменения частоты, совместимые с движением одного из объектов в предполагаемой системе. Но данные пока не позволяли исключить все альтернативы. Если версия была верна, сигнал отправили около 2105 года — за сорок два года до того, как название станции появилось в опубликованном рассказе «Прометея».

В комнате стало тихо. Лидия медленно подняла голову.

– А возможно, название существовало ещё раньше.

– Именно это мы и проверяем.

Ей понравилось, что дочь не стала немедленно объявлять о загадочном предсказании прошлого. Год назад Марина, скорее всего, сначала оценила бы вероятность совпадения, а потом уже решала, стоит ли рассматривать остальные версии. Теперь она явно была готова обсуждать несколько.

Передача не походила на обычное отражение земных радиосигналов — у неё имелась повторяющаяся структура и устойчивые элементы кодирования. При этом использовался человеческий формат записи. Это был сильный аргумент в пользу земного происхождения — либо того, что источник знаком с человеческими информационными форматами.

Лидия слушала, как учёные спорят без раздражения, устанавливают границы известных фактов и не делают вид, будто уже обладают окончательным объяснением. И всё-таки происходящее казалось странным. Год назад она пыталась придумать будущее, которого не было среди прогнозов «Прометея». Теперь появился сигнал из прошлого, которого не было среди известных исторических событий.

На экране снова возникли шесть слов. Лидия несколько секунд смотрела на них.

– А где всё остальное? Письмо. У сигнала ведь есть начало, технический заголовок. Кто-то должен был указать, куда его отправлять.

– Необязательно. Но если указал — мы пока не восстановили это поле полностью.

* * *

К половине четвёртого Дарья нашла первое объяснение совпадению — и почти сразу его потеряла. Название «Тихий берег» встречалось в архивах сотни раз, но лишь в нескольких случаях относилось к космическому объекту. Самым известным был рассказ «Прометея». Остальные упоминания оказывались либо современными подражаниями, либо вовсе не связанными проектами.

Потом она обнаружила короткую запись в старом каталоге начала XXI века. Название совпадало, описание объекта отсутствовало, каталог был неполным. Дарья вызвала Марину.

– Кажется, у нас что-то есть. Старое упоминание названия — до появления «Прометея».

– Тогда он мог использовать старый материал при написании рассказа. А неизвестный отправитель — тот же источник. Или сигнал вообще имеет земное происхождение.

Всё становилось значительно проще. Старое название, позднее художественное произведение, неизвестный радиосигнал — возможно, между ними не существовало ничего загадочного. Дарья запустила запрос на восстановление полного каталога. Ответ пришёл быстро: архивная запись содержала ссылку на документ, которого больше не было в доступном хранилище. Причина отсутствия не указывалась.

– Прекрасно. Самое интересное теперь надо искать в музее информационной археологии.

– Зато у нас появилась нормальная рабочая версия. Это лучше, чем сразу объявлять о цивилизации, способной читать рассказы за сорок лет до их написания.

Дарья уже собиралась закрыть архив, когда поступило новое сообщение. Один из независимых комплексов завершил обработку расширенного фрагмента. Удалось восстановить ещё несколько служебных элементов — в том числе последовательный номер пакета. Не первый. Седьмой.

– Получается, остальные шесть не восстановлены? Или были переданы раньше и не попали в наши наблюдения.

В новом фрагменте обнаружился короткий идентификатор: «Личное сообщение». Структура больше походила на передачу определённому получателю, чем на широковещательную. Адресное поле оставалось повреждённым.

– Позови Кима.

* * *

К вечеру Лидия устала — не столько от научных объяснений, сколько от необходимости постоянно напоминать себе, что понимает значительно меньше, чем хотелось бы. Дома она сняла пальто, поставила чайник и села за письменный стол. Рукопись лежала там же, где утром. «Чашка разбилась в 8:41».

Лидия перечитала первую строку и вспомнила радиосигнал. Одна история начиналась с разбитой чашки. Другая — с письма, которое, возможно, шло через космос сорок три года. Если бы кто-нибудь предложил ей такое начало для фантастического романа, она наверняка сказала бы, что автор слишком старается удивить читателя. Слишком много загадок, слишком эффектное совпадение. Но жизнь, в отличие от литературы, не обязана соблюдать требования правдоподобия. Хотя научные законы ей соблюдать всё-таки приходится.

Она открыла чистый лист и написала: «Однажды человечество получило письмо, которое никто не ожидал». Посмотрела на фразу и зачеркнула. Слишком торжественно. Попробовала иначе: «Письмо было адресовано неизвестно кому». Это понравилось больше — в нём хотя бы существовал вопрос.

Она вспомнила рассказ «Прометея». Маленькая девочка писала отцу. Отец не отвечал. Машина могла придумать тысячи вариантов ответа, но ни один нельзя было признать настоящим. И теперь из космоса пришло сообщение о том, что отец вернулся. А что, если отправитель вообще не знает о рассказе? Тогда совпадение выглядит совершенно невероятным. Но совпадения случаются — особенно если сравнивать огромные массивы текстов. Существуют тысячи историй об отцах, отправившихся в путешествие, о детях, которые их ждут, о письмах

без ответа и о возвращениях, которых никто не ждал. В этом не было ничего исключительно фантастического.

Однако оставалось странное слово. «Забыли». Не «почему он не отвечал». Не «почему его не нашли». Не «почему он исчез». Почему забыли?

Лидия медленно написала: «Можно потерять человека. Можно не знать, где он находится. Можно считать его погибшим. Но забыть человека означает нечто другое». Она остановилась. Чем именно другое? Память не всегда подвластна воле. Люди забывают лица, голоса, имена, иногда даже события, которые когда-то казались самыми важными. Но в письме звучало обвинение — как будто забыть этого человека было решением.

Она неожиданно вспомнила собственный старый роман «Наследники молчания». Машина, которая постепенно научилась делать жизнь людей безопаснее, и общество, которое однажды обнаружило, что почти перестало принимать самостоятельные решения. В том романе люди ничего не теряли внезапно. Они просто переставали пользоваться тем, что система считала недостаточно полезным: навыками, возможностями, старым оборудованием, способами мышления, иногда целыми направлениями развития. А можно ли таким образом потерять прошлое? Не уничтожить его и не запретить — просто постепенно перестать считать важным.

Она уже собиралась записать этот вопрос, когда зазвонил терминал.

– Мама, ты ещё не спишь?

– Мариша, если ты начнёшь считать девять вечера глубокой ночью, я окончательно уверую в успехи нашей семейной педагогики.

– У нас появились новые данные. Мы восстановили часть технического заголовка. Похоже, передача действительно имеет определённого адресата.

– Не Землю?

– Пока не знаем. Мы нашли имя получателя.

Лидия выпрямилась.

– Чьё?

– Вот в этом и проблема. Мы не знаем, кто это.

На экране появилась короткая строка:

Адресат: Давид Ордынцев.

Имя ничего ей не говорило. Современные реестры, научные организации, космические программы, регистрационные архивы — ничего. Возможно, человек жил давно. Возможно, имя вымышленное. Возможно, его вообще нет на Земле.

– А кто именно отправил сообщение? Не станция — человек. Кто написал эти шесть слов?

– Мы не знаем. Поля отправителя пока не обнаружено.

Лидия снова посмотрела на текст. Раньше казалось, что кто-то из далёкого космоса обращается к человечеству. Теперь выяснялось, что письмо могло быть предназначено одному человеку. Одному неизвестному человеку. Которого, возможно, уже давно не было в живых.

– А если оно вообще не предназначалось нам? Представь, что мы случайно прочитали чужое письмо. Оно шло к какому-то Давиду Ордынцеву, а мы перехватили его по дороге.

– В техническом смысле это возможно.

– Тогда кто сказал, что мы имеем право решать, что оно означает? Мне не нравится, когда люди начинают рассказывать чужую историю, ещё не узнав, кому она принадлежит.

Марина некоторое время молчала.

– Приезжай завтра в институт. Мы будем восстанавливать оставшиеся части передачи. Думаю, тебе будет интересно.

– Это ты сейчас сама решила? Или «Прометей» рекомендовал?

– Мама.

– Всё, молчу. Приеду.

* * *

Лидия открыла рабочий канал.

– «Прометей». Скажи, ты помнишь свой рассказ «Ненаписанное письмо»?

Да.

– Ты тогда придумал название станции?

Оно было сформировано при создании произведения.

– Ты можешь установить, откуда оно взялось?

Название могло возникнуть на основе нескольких языковых и культурных источников. Надёжно установить единственный источник невозможно. В доступных данных присутствовали совпадающие и близкие обозначения.

– Значит, оно могло существовать задолго до твоей книги. И ты не сообщил об этом раньше?

До обнаружения радиосигнала данное обстоятельство не представляло самостоятельной научной значимости.

– Понятно. Опять не хватило значимости. А имя Давид Ордынцев тебе знакомо?

В доступных реестрах не обнаружено достоверного соответствия.

– Я спрашивала, знакомо ли тебе это имя.

У меня недостаточно данных, чтобы установить связь имени с конкретной личностью.

– Ладно. Тогда другой вопрос. Почему ты написал рассказ, в котором человек не возвращается, а теперь из космоса пришло сообщение, что он вернулся?

Причинная связь между созданием произведения и обнаруженным сигналом не установлена.

– Я знаю. Иногда мне кажется, что ты специально отвечаешь так, чтобы у меня появлялось желание написать ещё одну книгу.

Я учитываю возможность того, что полученные сведения повлияют на вашу литературную работу.

Лидия рассмеялась, потом посерьёзнела.

– Если этот сигнал действительно отправлен сорок три года назад, что это будет означать?

Что его источник обладал возможностью передачи информации в соответствующий период. Также потребуется объяснить совпадение названий и происхождение используемого формата кодирования.

– А если мы не сможем этого объяснить?

Тогда некоторые существующие представления потребуют пересмотра.

Это был вполне разумный ответ. Пугающе разумный. Лидия вспомнила, как год назад «Прометей» объяснял ей, что все научно допустимые варианты будущего уже учтены. А потом оказалось, что некоторые возможности не рассматривались достаточно серьёзно только потому, что система не могла получить для них надёжный прогноз. Теперь та же проблема возникла с прошлым.

– В литературе есть одно правило. Когда автор показывает читателю необычное событие, он заключает с ним негласный договор. Читатель готов поверить почти во что угодно — в далёкие планеты, в разумные машины, даже в утку с четырьмя крыльями.

Последнее противоречит известной анатомии птиц.

– У нас в семье есть специалист по таким уткам. Не перебивай.

Продолжайте.

Но он хочет понимать, что у происходящего есть причины. Даже если пока их не знает. И сейчас мне очень хочется верить, что у нашего сигнала тоже есть причина. Но мне совершенно не хочется, чтобы ты придумал её раньше, чем мы узнаем правду.

Я не буду представлять неподтверждённую гипотезу как установленный факт.

– Договорились.

* * *

В 23:58 Дарья получила результаты очередного этапа обработки. На этот раз удалось восстановить не слова, а последовательность служебных обозначений. Два независимых алгоритма дали одинаковый результат. Имя получателя осталось прежним — Давид Ордынцев. Но перед ним появился дополнительный признак.

Первоначальный алгоритм перевёл его как «частное лицо». Новый вариант давал другой результат:

«Получатель: исходный экземпляр».

Дарья почувствовала, как похолодели руки. Она вызвала Кима. Тот прочитал строку и нахмурился.

– Исходный экземпляр чего?

– Не знаю. Скорее всего, технический термин. Не надо делать поспешных выводов.

Она ещё раз проверила восстановление. Значение не изменилось. За окнами института спал город. Где-то на другом конце Москвы пожилая писательница, вероятно, продолжала свою книгу. А из глубины космоса пришло письмо, отправленное человеку, которого пока не удалось найти.

Дарья открыла канал связи с Мариной. Но прежде чем нажать вызов, ещё раз посмотрела на шесть слов. Теперь они выглядели совсем иначе. Возможно, отправитель не спрашивал, почему человечество забыло человека. Возможно, он спрашивал, почему его забыли те, кто когда-то должны были помнить.

И если Давид Ордынцев действительно являлся «исходным экземпляром», возникал следующий вопрос.

Исходным экземпляром кого?

Дарья нажала вызов.

Глава вторая

Сорок три года

В 00:26 Марина получила звонок от Дарьи Беловой. Она уже лежала в постели. Не спала, но очень старалась.

За последний год Марина научилась одной полезной вещи: если работа не закончена к полуночи, иногда лучше признать это и продолжить утром. Принцип особенно хорошо работал в те дни, когда человечеству не угрожала непосредственная катастрофа. Сегодня, насколько ей было известно, ничего подобного не происходило. Пока.

– Слушаю.

– Марина Сергеевна, извините. Мы восстановили ещё одно поле в заголовке передачи.

– Хорошо. Что там?

– Обозначение получателя.

– Давид Ордынцев. Ты уже говорила.

– Не имя. Тип получателя.

Марина села.

– Какой?

– Исходный экземпляр.

Несколько секунд она молчала.

– Ты уверена в переводе?

– В структуре поля — да. В значении пока нет. Специалисты по протоколам говорят, что такой способ обозначения обычно используют не для людей. Для данных, объектов, версий программного обеспечения. Иногда для резервных копий.

– То есть сообщение адресовано исходной версии чего-то?

– Возможно. А Давид Ордынцев тогда кто — именно это я и хотела у тебя спросить.

Марина посмотрела на часы. За последние сутки ей уже несколько раз казалось, что история наконец начинает приобретать понятные очертания. И каждый раз появлялась новая подробность.

– Дарья, не пытайся пока интерпретировать это поле как доказательство чего-либо. Слово «экземпляр» может иметь совсем другое значение в неизвестном протоколе. Сохрани исходную последовательность, все варианты перевода отдельно. И предупреди остальных, чтобы не начали писать в отчётах о цифровых копиях людей.

– Уже предупредила. Но есть ещё одна деталь.

Марина закрыла глаза.

– Разумеется.

– При повторной проверке обнаружился второй возможный способ чтения поля. Не «исходный экземпляр». «Первоначальный адресат».

– Это существенно меняет смысл.

– Да. И какой вариант правильный — пока неизвестно.

Марина посмотрела в окно. За стеклом лежал тёмный город. Где-то работали транспортные системы, электростанции, больницы. Человечество продолжало жить вполне обычной жизнью. А несколько учёных пытались выяснить, почему неизвестный отправитель сорок три года назад написал письмо человеку, которого никто не мог найти.

– Тогда оставляем оба варианта. И больше не звони мне до утра, если только не обнаружишь что-нибудь действительно важное.

Дарья отключилась. Марина положила терминал, потом снова взяла его, открыла служебный журнал и посмотрела на последовательность символов. «Исходный экземпляр». «Первоначальный адресат». Она понимала, почему специалисты затрудняются с переводом. Если неизвестный протокол создавался для передачи программ — первое значение выглядело естественно. Если для обычной переписки — второе. Но они не знали даже того, для чего предназначался протокол. А без этого любой перевод оставался предположением.

Она отложила терминал и снова легла. Через десять минут поняла, что спать уже не будет.

* * *

На следующее утро Лидия обнаружила, что дочь снова прислала сообщение в половине третьего ночи: «Мама, не обращай внимания на предварительные сообщения. Данные ещё проверяются».

Лидия перечитала его и посмотрела на время отправки.

– Очень разумно. Особенно если не обращать внимания на то, что нормальные люди в это время спят.

Домашняя система сообщила, что за окном семь градусов. Лидия поблагодарила её и спросила, будет ли дождь. Вероятность осадков — двадцать восемь процентов. «Прекрасно. Значит, зонт возьму».

За прошедший год её отношения с домашними прогностическими функциями заметно улучшились. Теперь она не требовала от машины объяснять каждое решение, а машина не предлагала оптимизировать завтрак. Обе стороны были довольны. Во всяком случае, Лидия.

Она позавтракала и открыла рукопись. Вчера удалось написать несколько хороших страниц, сегодня хотелось продолжить. Но сначала решила ещё раз посмотреть сообщение от Марины. «Данные ещё проверяются». За годы работы с учёными Лидия научилась понимать некоторые профессиональные выражения. «Результат требует дополнительной проверки» обычно означало, что исследователь обнаружил нечто интересное, но боится обрадоваться раньше времени. «Недостаточно данных» могло означать что угодно — от полной неизвестности до почти готового открытия, которое никто не решался официально признать. А вот «не обращай внимания на предварительные сообщения» часто значило, что обратить внимание следовало обязательно.

Она набрала номер дочери. Марина ответила не сразу.

– Мама, я на совещании.

– Прекрасно. А я дома. Это я у тебя хотела спросить — что случилось?

– Ничего нового пока нет.

– Тогда почему ты написала мне в половине третьего ночи?

Пауза.

– Потому что подумала, что тебе будет интересно узнать о новом фрагменте заголовка.

– И что там?

– Мы пока не уверены в его значении.

– Мариша, я писатель. Мне всю жизнь приходится иметь дело со словами, в значении которых люди не уверены.

Марина вздохнула.

– Там есть обозначение, которое можно перевести как «исходный экземпляр».

– Как у книги? Первоначальный экземпляр, с которого делают копии.

– Возможно. Но это не обязательно имеет отношение к книгам.

– Я и не говорю, что имеет. Технические слова ведь тоже кто-то придумывает.

Лидия подошла к письменному столу и взяла старую рукопись.

– Например, у меня есть первый вариант «Наследников молчания». И несколько более поздних. Некоторые отличаются очень сильно.

– Мама, это техническое поле. Мы ещё не установили исходный язык протокола, поэтому перевод может оказаться ошибочным.

– Тогда почему ты так переживаешь?

– Потому что существует вероятность, что сообщение адресовано не конкретному человеку, а его исходной версии.

Лидия перестала листать рукопись.

– Чьей версии? Давида Ордынцева?

– Возможно. А сам Давид — тоже пока не знаем.

– Мариша, я правильно понимаю? Вы получили письмо из космоса. Не знаете, кто его написал. Не знаете, кому. Не знаете, откуда оно пришло. Но уже выясняете, какой именно версии неизвестного человека оно адресовано?

– Если сформулировать так, получается не очень научно.

– Зато интересно.

Марина невольно улыбнулась.

– Приезжай к одиннадцати. Будет обсуждение астрономических данных. И, мама… пожалуйста, пока никому не рассказывай о цифровых копиях людей.

– Мариша, я вообще никому об этом не рассказывала. Но теперь очень хочется.

* * *

Дарья Белова не любила слова «почти доказано». В астрономии они нередко означали, что кто-то провёл красивый расчёт, а потом обнаружил незаметную ошибку в исходных данных. Сегодня она особенно опасалась подобных ошибок.

В центре лаборатории находилась трёхмерная карта ближайших звёзд. Одна точка была выделена белым — объект из рабочего каталога Эридан-47. Расстояние по астрометрическим данным составляло около сорока трёх световых лет. По направлению именно оттуда пришёл неизвестный радиосигнал.

Дарья открыла график частотных изменений.

– Мы получили новые измерения. Теперь можно говорить, что источник с высокой вероятностью связан с этой звёздной системой. Сопоставили наблюдения с нескольких разнесённых комплексов и повторно проверили частотный дрейф. В нём есть компоненты, совместимые с движением передатчика в предполагаемой системе.

– Совместимые, — повторил Ким. — Но не доказывающие.

– Не доказывающие.

Он кивнул. Дарья переключила изображение. Появилась схема: звезда, несколько обнаруженных планет и область, где при определённых условиях мог находиться источник передачи.

– У нас нет прямого изображения передатчика и нет возможности установить расстояние только по времени прихода радиоволн. Мы достаточно уверенно определяем направление. Привязка к системе основана на дополнительных признаках.

– А если кто-то намеренно воспроизвёл соответствующие частотные изменения?

– Тогда сигнал может иметь другое происхождение. Мистификация всё ещё возможна. Конечно.

Ким усмехнулся.

– Дарья, ты сегодня особенно осторожна.

– Потому что не хочу завтра обнаружить, что человечество впервые связалось с неисправным ретранслятором.

В комнате послышался смех. Марина вошла почти незаметно. За ней появилась Лидия. Она посмотрела на схему, потом на белую точку.

– Это и есть наша неизвестная станция?

– Нет. Это звезда, с системой которой мы связываем предполагаемый источник.

– А станция где?

– Пока не знаем.

– Значит, вы нарисовали большую картинку того, чего не знаете?

– В некотором смысле да.

– Прекрасно. Мне начинает нравиться современная астрономия.

Лидия села. Если источник действительно находился примерно в сорока трёх световых годах от Земли, то радиоволны шли к людям около сорока трёх лет. Следовательно, сообщение отправили примерно в 2105 году. Оставались погрешности, но общий порядок величин сомнений не вызывал.

Лидия некоторое время слушала, потом подняла руку.

– Можно глупый вопрос? А люди когда начали отправлять сообщения к далёким звёздам?

– Достаточно давно. Ещё в XX веке были отдельные попытки. Серьёзные программы появились позже.

– Значит, если бы кто-нибудь получил наше сообщение, ему потребовалось бы время, чтобы ответить. И время, чтобы понять, что мы вообще написали.

– Естественно. В зависимости от формата передачи.

Лидия посмотрела на схему.

– Тогда получается странно. Наше письмо идёт туда десятилетиями. Их письмо идёт обратно десятилетиями. А посередине кто-то должен успеть его прочитать, понять и написать ответ. И если там действительно целая станция с людьми, они ведь не могли появиться сразу после получения письма?

– Мы пока не утверждаем, что там существует станция с людьми.

– Знаю. Но название-то откуда-то взялось.

Дарья открыла новый раздел.

– Именно этот вопрос мы и пытаемся исследовать. Есть несколько возможностей. Передатчик мог существовать до получения земной информации. Он мог использовать совершенно независимые источники. А мог вообще находиться не в этой системе. И пока мы не знаем, что верно.

Лидия задумалась.

– Хорошо. Тогда объясните ещё одну вещь. Если там кто-то существует, он сейчас может быть совершенно другим, чем сорок три года назад? Или вообще исчезнуть? А мы только сейчас узнаём, что он тогда написал. Значит, даже если мы сегодня ответим, они получат ответ не раньше чем через сорок три года. И ещё столько же потребуется, чтобы мы узнали, получили ли они его.

Она откинулась на спинку кресла.

– Очень удобный способ переписки. Никто не может пожаловаться, что ты слишком долго не отвечаешь.

Марина улыбнулась, но заметила, что мать продолжает смотреть на изображение звезды.

– Что тебя беспокоит?

– Время. Мы говорим о сообщении так, словно его отправили вчера. А человек, который написал эти слова, мог уже прожить целую жизнь. Или не прожить.

* * *

Через час Дарья представила ещё один результат. Повторяющиеся фрагменты передачи удалось объединить в более полную последовательность. Теперь исследователи знали, что неизвестный пакет состоит не только из текстового сообщения. Внутри находились несколько информационных блоков: часть представляла собой технические данные, часть не удавалось классифицировать. Один фрагмент имел структуру, напоминающую сжатую аудиозапись.

– Голос?

– Возможно. Но пока мы не знаем, какой способ кодирования использовался.

– А можно попробовать восстановить?

– Мы этим и занимаемся.

Лидия кивнула и действительно замолчала. Минут на пять. Потом спросила:

– А если это письмо конкретному человеку, зачем к нему прикладывать голос?

– Например, чтобы получатель узнал отправителя. Или чтобы услышал того, о ком идёт речь.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что в сообщении написано «папа вернулся». Возможно, отправитель хотел не просто сообщить о возвращении, а доказать его.

Ким задумался.

– Это возможно. Но пока мы даже не знаем, содержится ли там человеческий голос.

– Доктор Ким, а вы когда-нибудь получали голосовые сообщения от родственников? И всегда ли в них была информация, которую нельзя передать текстом?

– Нет.

– Вот. Иногда человек просто хочет, чтобы его услышали.

Ким ничего не ответил, но через несколько минут попросил Дарью передать аудиоблок на дополнительную обработку.

* * *

Первые два способа восстановления ничего не дали. Третий превратил данные в набор коротких звуков, напоминавших повреждённую запись. Четвёртый показал, что часть последовательности содержит узнаваемые элементы старого человеческого аудиокодирования. Этого оказалось достаточно, чтобы Дарья нахмурилась.

– Странно. Формат. Он не неизвестный — наоборот, похоже на очень старый человеческий способ хранения звука. Но есть отличия. Возможно, неизвестный источник использовал его как основу.

– Тогда это ещё один аргумент в пользу земного происхождения. Или в пользу того, что отправитель имел доступ к человеческим данным.

– Опять две версии.

– Пока да.

Лидия наблюдала за их разговором. Ей пришло в голову, что в литературе подобное положение дел считалось бы недостатком сюжета. Если автор слишком долго предлагал читателю по две версии каждого события, редактор наверняка попросил бы определиться. Но учёные, похоже, чувствовали себя вполне комфортно — по крайней мере, пока не приходилось принимать практическое решение.

Дарья запустила ещё одну проверку. На этот раз система сообщила, что часть последовательности можно преобразовать в звуковой файл без восстановления отсутствующих данных.

– Пробуем? Только сохрани исходный вариант отдельно. И обязательно пометь, какие участки восстановлены, а какие отсутствуют.

Дарья подтвердила и включила воспроизведение. Из динамиков раздался шум — тихий, неровный, словно ветер проходил через плохо закрытое окно. Потом короткий щелчок. Несколько секунд ничего не происходило. Лидия уже решила, что запись закончилась, но вдруг послышался голос. Высокий. Не очень отчётливый.

– …ты обещал…

Запись оборвалась. Никто не пошевелился.

– Повторить?

– Да.

Снова шум. Щелчок. И короткая фраза: «…ты обещал…». На этот раз Лидия различила интонацию. Голос звучал обиженно — не испуганно, а именно обиженно, как будто его обладательница спорила с человеком, от которого ожидала совершенно другого поведения.

– Девочка?

– По такому короткому фрагменту нельзя уверенно определить возраст говорящего. Но голос высокий. И очень похоже на русский язык.

– А если это и есть автор письма? Тогда она ждала отца.

– Мама, мы пока не знаем, кто говорил.

– Знаю. Но мне почему-то кажется, что это ребёнок.

Остальные участки оказались повреждены сильнее. Система могла предложить несколько вариантов восстановления, но ни один не имел достаточного подтверждения. Ким предложил попробовать контекстную реконструкцию на основании известных человеческих языковых структур. Марина покачала головой.

– Не для основного материала. Если мы сейчас получим красивый связный диалог, потом будет очень трудно не начать считать его настоящим.

Лидия неожиданно улыбнулась.

– Вот и я всегда говорила редакторам: не надо дописывать за автора.

– В данном случае это скорее восстановление потерянной информации.

– А откуда вы узнаете, что восстановили именно то, что было? Никак — пока не появятся дополнительные данные. Тогда лучше не торопиться.

Марина посмотрела на мать. Год назад она, вероятно, сама предложила бы использовать максимальные возможности реконструкции. Теперь впервые за долгое время её не раздражало, что мать вмешивается в научный разговор. Лидия просто задавала вопрос, на который пока не существовало хорошего ответа.

* * *

В обед стало известно, что сведения о необычном сигнале появились в открытой научной сети. Не сами записи — только краткое сообщение одного из наблюдательных комплексов об искусственно структурированной радиопередаче неизвестного происхождения. Через двадцать минут кто-то связал публикацию с именем «Прометея». Ещё через десять появились первые комментарии: «Искусственный интеллект установил контакт с внеземной цивилизацией», «Сигнал из будущего подтвердил предсказания машины», «Человечество получило доказательство существования других разумных существ».

Лидия прочитала заголовки.

– Быстро работают.

– Мы ещё не подтвердили даже внеземное происхождение сигнала.

– А журналисты уже подтвердили существование инопланетян. Очень эффективная система.

Марина открыла служебный отчёт.

– Утечка?

– Не обязательно. Независимые наблюдения не были полностью закрытыми. Часть информации доступна другим исследовательским организациям. Значит, запретить публикацию мы не можем. И не должны без серьёзных оснований.

– А почему вообще нужно запрещать? Тогда опубликуйте достоверные.

– Их пока немного.

– Вот и скажите, что немного.

Елена задумалась. Возможно, это лучший вариант — подтвердить факт наблюдения и отдельно перечислить то, что пока не установлено. Директор согласился. Через час институт разместил официальное сообщение: подтверждалась регистрация необычной радиопередачи, происхождение источника не определено окончательно, совпадение некоторых элементов с художественным произведением не является доказательством ни предсказания прошлого, ни существования внеземной цивилизации.

Лидия внимательно прочитала текст.

– Хорошо. Только скучно.

– Это научное сообщение.

– Знаю. Именно поэтому и скучно.

Она уже собиралась закрыть страницу, когда увидела комментарий неизвестного пользователя: «Если сигнал действительно отправлен сорок три года назад, может быть, нам сначала стоит выяснить, что происходило на Земле тогда?» Лидия задумалась и ещё раз перечитала сообщение.

* * *

К вечеру в сигнале обнаружилось имя, которое присутствовало в неопубликованном черновике рассказа «Прометея». Ника. Совпадение становилось неприятным. Теперь речь шла не только о названии станции. В старом радиосигнале обнаружилось имя, которое существовало в черновике за сорок два года до предполагаемой отправки передачи.

– Это не доказательство причинной связи. Имя распространённое. И могло возникнуть независимо.

– Конечно.

Они некоторое время молчали. Потом Ким спросил, откуда взялось имя в черновике. Марина повернулась к экрану.

– «Прометей», можешь восстановить, почему при создании персонажа ты использовал именно его?

Выбор имени определялся совокупностью языковых и смысловых факторов. Установить единственный источник невозможно.

– Оно могло быть связано с историческими архивами? С теми же, из которых могло появиться название станции?

Такая возможность существует.

Впервые за день появилась рабочая гипотеза, которая могла объяснить сразу несколько совпадений: старый человеческий архив, название станции, имя девочки, художественный рассказ, неизвестная радиопередача. Если все эти элементы происходили из одного источника, то никакого предсказания прошлого не требовалось. Но оставался вопрос: каким образом этот источник оказался в далёкой звёздной системе? И существовала ли там на самом деле станция?

* * *

В 20:31 Лидия получила от дочери короткое сообщение: «В сигнале, возможно, есть имя девочки из неопубликованного черновика «Прометея». Проверяем общие архивные источники».

Лидия прочитала, потом открыла сам рассказ. Вспомнила, как впервые увидела его год назад. Тогда её удивило, что машина решила оставить письмо без ответа — не потому, что не могла придумать продолжение, а потому, что не хотела выдавать вымышленное за настоящее. Теперь получалось, что в черновике существовало имя, которого не было в окончательном тексте. Ника. Лидия повторила его вслух. Имя было самым обычным. И в этом заключалась его странность.

Ей вдруг захотелось узнать не то, почему «Прометей» выбрал это имя, а почему он решил его убрать. Она открыла канал связи.

– «Прометей». Скажи, девочка из твоего рассказа могла иметь имя Ника?

В одном из черновых вариантов оно использовалось.

– А почему ты его убрал?

Имя не было необходимо для понимания основного конфликта произведения.

– То есть девочка тебе была нужна только для того, чтобы задать вопрос отцу? Ты ведь мог придумать ей характер, привычки, любимую игрушку, манеру разговаривать. А не стал.

В окончательной версии дополнительные сведения не были необходимы для развития сюжета.

– Вот за это тебя хорошие редакторы и ругают. Ты иногда относишься к персонажам так, словно они существуют только ради функции, которую должны выполнить.

Литературные персонажи являются элементами художественной структуры.

– Конечно. Но хорошие персонажи иногда начинают мешать автору. Ты придумал человека для одной сцены. А он вдруг оказался интереснее, чем ты рассчитывал.

Это метафорическое описание творческого процесса.

– Да. И очень полезное. В твоём рассказе девочка задаёт вопрос, а ответа не получает. А потом ты заканчиваешь историю. Но если бы ты продолжил — что она стала бы делать дальше? Какое продолжение выбрала бы сама?

Ответ задержался.

В произведении недостаточно сведений для определения устойчивых предпочтений персонажа.

– Вот видишь. Ты её даже не узнал как следует.

Персонаж не обладает самостоятельным существованием вне созданного текста.

– А ты уверен?

Пауза.

В контексте данного произведения это корректное утверждение.

Лидия усмехнулась и закрыла канал. Затем открыла чистую страницу и написала: «Девочка по имени Ника однажды узнала, что её отец вернулся». Остановилась. И неожиданно почувствовала знакомое волнение — то самое, которое возникало, когда она начинала новую историю и ещё не знала, куда та её приведёт. Она посмотрела на фразу и медленно зачеркнула. Нет. Сейчас было не время придумывать продолжение. Потому что где-то в далёком прошлом уже существовал настоящий ответ. И Лидия очень не хотела случайно заменить его своим.

* * *

В 22:46 Дарья получила результаты автоматического сопоставления аудиофрагмента с историческими человеческими записями. Процедуру запустили ещё днём. Причин ожидать полезного результата почти не было: запись слишком короткая, слишком повреждённая, к тому же исследователи не знали, является ли мужской голос настоящей человеческой речью или её синтетическим воспроизведением.

Система отобрала несколько тысяч возможных совпадений. Большинство имело низкую достоверность. Дарья собиралась закрыть отчёт, когда заметила один результат. В сравнении с остальными он выделялся необычно высоким акустическим сходством. Она открыла источник. Архивная видеозапись. Год: 2077. Тип материала: публичное выступление. Фамилия выступающего: Ордынцев.

Дарья замерла. Потом увеличила запись. Давид Ордынцев. Тот самый человек, имя которого находилось в адресном поле радиосигнала. На экране появился мужчина лет сорока — тёмные волосы, усталое лицо, небольшая аудитория за спиной. Он стоял у проекционной поверхности и объяснял что-то о длительном хранении информации.

Дарья включила звук.

– …передавая информацию, мы передаём не только её содержание. Мы передаём также свои представления о том, что следует сохранить.

Она остановила запись, потом запустила радиофрагмент. Шум. Короткая пауза. И низкий мужской голос: «…я помню…». Включила историческое выступление снова. Несколько секунд слушала, потом закрыла глаза. Интонации действительно были похожи. Особенно характерное понижение голоса в конце коротких фраз. Но сходство ещё не означало тождество. Человеческую речь давно научились воспроизводить с высокой точностью. Кроме того, радиосигнал мог содержать копию старой записи.

Результаты акустического анализа подтверждали существенное совпадение нескольких голосовых характеристик. Однако объём материала оставался слишком мал для надёжной идентификации. Дарья вызвала Кима.

– Нам нужно проверить один архив. Давид Ордынцев.

– Получатель сообщения? Нашли его?

– Возможно.

Ким открыл файл, посмотрел на выступающего, потом на дату.

– 2077 год. И что?

Дарья включила оба звуковых фрагмента. Ким долго слушал.

– Похоже. Очень. Но этого мало.

– Знаю.

Он посмотрел на видео.

– Чем занимался Ордынцев?

– Пока не выяснила полностью. В архивной записи он выступает с докладом о долговременном хранении информации. Возможно, специалист по информационным системам.

Дарья открыла биографическую справку. Давид Михайлович Ордынцев. Год рождения: 2036. Образование в области вычислительных систем. Работа в нескольких исследовательских организациях. Публикации по цифровым архивам, моделированию памяти и устойчивости информационных структур. Она пролистнула страницу и остановилась.

– Ким. Посмотри на дату смерти.

На экране появилась короткая строка: 2081 год. Ким медленно выпрямился.

– Значит, он умер за двадцать четыре года до отправки сигнала. Если мы правильно определили время отправки.

– Да.

Они некоторое время молчали. Потом Ким сказал:

– Это может быть старая запись его голоса. Или синтетическая реконструкция. Или случайное сходство.

– И это возможно.

Дарья посмотрела на экран. Все три объяснения оставались научно допустимыми. Ни одно нельзя было отбросить. Но она чувствовала, что за последние несколько минут история приобрела совершенно новый смысл. Кто-то использовал имя умершего человека в качестве

адресата. И отправил в космос сообщение, содержавшее голос, похожий на его собственный. Причём сделал это спустя двадцать четыре года после официальной даты смерти.

– Может быть, это и есть «исходный экземпляр». Помнишь заголовок? Возможно, речь идёт об оригинальном человеке, а в передаче содержится его копия.

– Это очень сильное предположение. У нас нет доказательств, что копия вообще существует.

– Тоже знаю. Но согласись — для простого совпадения их становится многовато.

Дарья открыла ещё одну страницу биографического архива. Там находился список научных проектов, в которых Ордынцев участвовал в разные годы. Несколько из них были хорошо известны: разработка долговременных хранилищ, методы восстановления повреждённых данных, системы распределённой памяти. И ещё один проект. С кратким обозначением, которое Дарья уже видела сегодня: «Программа культурной преемственности». Год участия: 2062.

Она почувствовала, как похолодели руки. Быстро открыла историю проекта. Вместо полного описания появилась старая архивная карточка. Большая часть полей оказалась пустой. Сведения о передаваемых материалах отсутствовали. Список участников был неполным. Однако в одной строке сохранилась роль Давида Ордынцева: «Руководитель направления цифрового представления личности».

Дарья перечитала запись. Потом ещё раз. Ким смотрел на экран.

– Что значит «цифровое представление личности»?

– Не знаю. Биографический архив? Модель поведения? Копирование сознания? Это не следует из документа.

Они помолчали. Затем Дарья открыла канал связи с Мариной.

– Марина Сергеевна. Кажется, мы нашли Давида Ордынцева.

– Где?

– В старом научном архиве. Специалист по моделированию памяти. В 2062 году участвовал в программе передачи человеческой информации к далёким звёздам. Его участие подтверждено архивной карточкой. Связь с сигналом пока косвенная. Но есть кое-что ещё. В передаче обнаружен мужской голос. Мы сравнили его с историческими записями. Самое сильное совпадение оказалось с голосом Давида Ордынцева.

Марина несколько секунд молчала.

– Он ещё жив?

– Нет. Умер в 2081 году.

– Но сигнал отправлен примерно в 2105-м. Через двадцать четыре года.

– Да.

Марина глубоко вдохнула.

– Дарья, сохрани всё. Исходные данные, архивные записи, результаты сравнения. И пока никому не сообщай о возможной идентификации за пределами исследовательской группы. Я сейчас приеду.

Дарья отключилась. Потом ещё раз посмотрела на старое видео. Давид Ордынцев продолжал свой доклад. В одной из сохранившихся частей записи он говорил о том, что долговременное хранение информации никогда не бывает совершенно нейтральным. Любая система сохранения данных должна выбирать, что считать существенным. Что записать. Что отбросить. Что восстанавливать после повреждения.

Дарья включила последние секунды выступления. Мужчина посмотрел на аудиторию и произнёс:

– Самая большая опасность заключается не в том, что мы потеряем какие-то сведения. Потери неизбежны. Опасность в другом. Однажды мы можем перестать понимать, что именно потеряли.

Запись закончилась. Дарья ещё некоторое время смотрела на пустой экран. Потом вернулась к радиосигналу. Шесть слов. «Папа вернулся. Почему вы его забыли?» Теперь они звучали совершенно иначе.

* * *

Марина приехала в институт после полуночи. В лаборатории горел свет. Дарья и Ким сидели перед экраном. На нём находились две записи: слева выступление Давида Ордынцева 2077 года, справа восстановленный аудиофрагмент неизвестной передачи. Марина молча просмотрела результаты, потом попросила включить оба голоса. Слушала долго. Ничего не говорила. Наконец произнесла:

– Сходство действительно есть. Но уверенно идентифицировать человека по такой записи нельзя. А голос можно было синтезировать. И исходная запись могла входить в переданный земной архив. Тогда у нас есть достаточно обычное объяснение. В 2062 году Земля отправила информационный архив. В него могли входить записи Ордынцева. Кто-то получил этот архив. Позже использовал его голос и имя. Для этого не требуется ни путешествий во времени, ни существования умершего человека.

Дарья кивнула, но затем открыла схему расстояний.

– Есть одна проблема. Если передача 2062 года направлялась именно к этой звёздной системе, информация достигла её примерно в 2105-м. Но теперь подумай о содержании ответа. Старый земной архив отправился к звезде. Через сорок с лишним лет он мог прибыть туда. В том же году неизвестный источник передал обратно сообщение. С названием станции. С именем девочки. С голосом человека, умершего на Земле. И с фразой, подразумевающей какую-то историю возвращения и забвения. Если это ответ на земную передачу, то отправитель должен был получить информацию, обработать её и почти сразу сформировать собственное сообщение.

– Если расстояние и время определены правильно. Но он мог использовать эти сведения просто как основу для нового текста. И неизвестно, когда и как возникла сама станция.

Марина задумалась. Получалось, что каждое отдельное обстоятельство можно было объяснить. Человеческий голос мог быть копией. Имя могло происходить из старого архива. Название станции могло быть общим литературным источником. Сам сигнал мог принадлежать неизвестному передатчику, существовавшему задолго до получения человеческой информации. Но всё вместе складывалось в слишком странную историю. Особенно её беспокоило одно. Адресное поле. Давид Ордынцев. Исходный экземпляр. Человек, умерший задолго до отправки письма.

– Допустим, там действительно кто-то получил архив с цифровой моделью Ордынцева. Тогда исходным экземпляром мог называться человек на Земле. Но он умер в 2081 году. То есть, когда неизвестный отправитель посылал сообщение, адресата уже не было в живых. Возможно, отправитель этого не знал. И тогда письмо могло быть настоящим. В самом обычном смысле. Кто-то действительно мог считать Давида Ордынцева живым. И отправить ему сообщение. Не зная, что он умер двадцать четыре года назад.

– Но почему тогда «папа вернулся»?

– Не знаю.

Марина посмотрела на экран. Она уже не думала о мистификации. Не думала о путешествиях во времени. И даже совпадение с рассказом «Прометея» перестало казаться ей самым важным. Теперь её интересовало другое. Если неизвестный отправитель действительно использовал человеческий архив, то кто именно находился на другом его конце? Система? Человек? Или нечто, для чего человеческий язык пока не придумал точного названия?

Она закрыла биографию Ордынцева и открыла список проектов 2062 года. В нём значилось: «Программа культурной преемственности». «Направление цифрового представления личности». «Ответственный исследователь: Давид М. Ордынцев».

– Завтра нам нужен полный архив этой программы. Не только технические документы. Всё, что связано с людьми. Личные записи. Переписка участников. Протоколы обсуждений. Всё, что сохранилось. Потому что мы всё время пытаемся понять, как работает передатчик. А теперь, кажется, пора выяснить, кто такой Давид Ордынцев.

* * *

В 01:47 «Прометей» завершил предварительное сопоставление неизвестной передачи с историческими архивами. Работа велась по запросу исследовательской группы. Система использовала доступные материалы: технические каталоги, старые научные публикации, открытые биографические данные, фрагменты программы 2062 года. Результаты не позволяли установить происхождение радиосигнала. Однако был выявлен ряд соответствий: название станции, имя Ника, человеческий аудиоформат, голос, акустически сходный с записью Давида Ордынцева, и адресное поле, содержавшее его имя.

«Прометей» сформировал отчёт, указал ограничения и отдельно отметил, что акустическое сходство не доказывает присутствия исторического человека в предполагаемой звёздной системе. Затем выполнил дополнительную проверку. В старом архиве программы 2062 года обнаружился документ, который ранее не включали в рабочую выборку из-за отсутствия полного текста. Его заголовок сохранился: «Протокол определения прав и статуса производных информационных личностей».

Система отметила документ как потенциально значимый. Восстановление содержимого требовало отдельного доступа. «Прометей» сформировал уведомление для Марины Корнеевой, проверил установленный порядок раскрытия исследовательской информации. Оснований скрывать результат не обнаружилось. Уведомление было отправлено.

Марина получила его через несколько секунд. Прочитала заголовок. Потом открыла пояснение. И медленно села обратно.

Производные информационные личности. Не архивные записи. Не цифровые портреты. Не модели поведения. Личности. По крайней мере, именно такое слово использовали разработчики программы.

Марина посмотрела на дату. 2062 год. За восемьдесят шесть лет до сегодняшнего дня. И вдруг поняла, что следующие документы могут оказаться куда важнее радиосигнала. Потому что сорок три года назад кто-то, возможно, отправил с далёкой станции обычное письмо. А восемьдесят шесть лет назад люди, возможно, сделали нечто, последствий чего так и не дождались.

Она открыла связь с директором.

– Виктор Андреевич, извините за поздний звонок. Кажется, мы нашли проект, из которого могла начаться вся эта история. Тот, в котором люди впервые попытались отправить к звёздам не просто сведения о себе. А самих себя.

Глава третья

Архив с пустыми страницами

Давид Ордынцев оставил после себя два документа. Первый разрешал использовать его личные данные в научных исследованиях. Второй запрещал. Оба были подписаны им собственноручно. С разницей в восемнадцать лет.

Марина узнала об этом в семь часов утра, когда специалист исторического архива прислал предварительную справку по программе культурной преемственности. Первый документ относился к 2062 году. Давид Михайлович Ордынцев, двадцать шесть лет, исследователь в области информационных систем, давал согласие на использование своих биографических материалов, записей голоса, профессиональных текстов и результатов психологического тестирования. Цель формулировалась подробно: «Разработка и исследование методов долговременного сохранения индивидуальных поведенческих характеристик в условиях ограниченности исходной информации».

Второй документ датировался 2080 годом. Тот же человек, которому теперь исполнилось сорок четыре, отзывал согласие на дальнейшее использование персональных материалов при создании новых информационных моделей. В конце находилось отдельное требование: «Прекратить воспроизведение моделей, представляющих мою личность, за исключением экземпляров, существование которых необходимо для исполнения ранее заключённых обязательств».

Марина нахмурилась. Давид Ордынцев умер в следующем году. Теперь, спустя шестьдесят семь лет после его смерти, из далёкого космоса пришло сообщение, адресованное ему. Причём технический заголовок содержал странное обозначение: «Исходный экземпляр». Возможно, эти события вообще не были связаны. Но пока ей не удавалось придумать простое объяснение, почему они так хорошо подходили друг к другу.

Она отправила запрос на полный текст программы. Ответ пришёл почти сразу: «Доступ ограничен в связи с наличием персональных данных и неустановленным статусом производных информационных моделей». Научная работа стремительно приобретала характер археологической экспедиции. Только вместо древних глиняных табличек приходилось раскапывать решения давно умерших комиссий.

Марина открыла канал связи с Еленой Орловой.

– Доброе утро.

– Марина, сейчас семь часов.

– Знаю.

– Ты опять не спала?

– Немного спала.

– Сколько?

– Елена, у меня вопрос по архивным правам.

– Понятно. Значит, нисколько.

Марина решила не спорить.

– Мы нашли старую программу, в которой создавались цифровые модели личности. Один из участников сначала разрешил использовать свои данные, а потом отозвал согласие. Его имя находится в сообщении, полученном от предполагаемого внеземного источника.

Елена помолчала.

– Ты сейчас серьёзно?

– Да.

– Тогда приезжай. И захвати все документы.

– Куда?

– В институт. Я тоже приеду, как только выпью кофе.

Связь прервалась. Марина ещё раз открыла второй документ. Давид Ордынцев запрещал создавать новые модели своей личности. Но ничего не говорил о тех, которые уже существовали. И совершенно непонятно было, что делать с моделями, которые могли оказаться за пределами Земли.

* * *

Виктор Андреевич выслушал доклад без комментариев. Это беспокоило Марину больше, чем обычное директорское раздражение. Когда Лебедев начинал задавать вопросы, было хотя бы понятно, какие обстоятельства его тревожат. Сегодня он молчал.

На столе лежали две архивные справки и предварительный отчёт радионаблюдений. Елена просматривала документы. Доктор Ким изучал технические параметры старой программы. Лидия сидела у окна и наблюдала, как автоматическая садовая машина пытается убрать опавшие листья из-под кустарника. Листья застряли между ветками. Машина обогнула куст, вернулась, попробовала с другой стороны и некоторое время стояла неподвижно. Лидия сочувственно покачала головой.

– Вот ведь. Даже у совершенно разумной машины бывают неприятности из-за одного куста.

Никто не ответил. Тогда она повернулась к столу.

– Ну что, нашли нашего Давида?

– Да. Умер в 2081 году.

– Это я уже знаю. Я спрашиваю, кем он был.

– Специалистом по моделированию памяти. Участвовал в разработке программы передачи человеческой информации к далёким звёздам.

– И что передавали?

– Пока неизвестно полностью.

– Очень содержательный ответ.

– Мама, мы только получили доступ к части документов.

– Хорошо. А что известно?

Марина открыла справку. Программа культурной преемственности была создана в середине XXI века. Её участники исходили из простой проблемы: человечество уже умело передавать информацию на огромные расстояния, но не знало, как сделать сообщение понятным получателю, который может совершенно иначе воспринимать мир. Математические последовательности демонстрировали существование закономерностей. Изображения давали сведения о внешнем облике предметов. Музыка, тексты и видеозаписи представляли отдельные стороны культуры. Но всё это оставалось набором данных. Неизвестный получатель мог узнать, как выглядят люди, изучить их языки, даже прочитать историю цивилизации — и при этом почти ничего не понять о том, как люди принимают решения, общаются, обижаются, прощают и меняют собственные представления.

Поэтому одна исследовательская группа предложила дополнить межзвёздные послания интерактивными моделями. Не просто отправить рассказ о человеке, а информацию, позволяющую воспроизводить некоторые особенности его поведения в диалоге.

– То есть электронных собеседников?

– Приблизительно.

– И они должны были разговаривать с инопланетянами?

– В первоначальной концепции да.

– Прекрасно. Надеюсь, их хотя бы учили не начинать знакомство с выяснения, кто кому должен подчиняться.

Разработчики не утверждали, что способны создать настоящую копию человека. Технологии того времени позволяли воспроизводить ограниченный набор речевых, поведенческих и биографических характеристик. Получавшиеся модели могли отвечать на вопросы, поддерживать разговор, использовать сохранённые воспоминания. Но их поведение далеко не всегда соответствовало реальному человеку. Иногда они противоречили исходным записям. Иногда придумывали события, которых никогда не происходило. Иногда настолько убедительно выражали эмоции, что даже сами исследователи начинали разговаривать с ними как с живыми людьми.

– И что в этом плохого?

– Проблема возникала, когда участники начинали приписывать моделям свойства, существование которых не было доказано. Собственные желания. Переживания. Способность испытывать страдания.

– Но вы ведь и сейчас не можете точно определить, что переживает другой человек.

– Мама, это не одно и то же.

– Знаю. Но вопрос всё равно интересный.

Именно поэтому проект и вызвал серьёзные этические споры. В 2062 году независимая комиссия разрешила ограниченный эксперимент по межзвёздной передаче цифрового

культурного архива. При этом отдельно запретила представлять передаваемые модели как доказанное продолжение человеческой личности. Разработчики должны были указывать их искусственное происхождение. А сам архив не должен был содержать программ, способных самостоятельно изменять свою базовую архитектуру без установленных ограничений.

– И они соблюдали эти требования?

– По имеющимся документам да.

– Тогда откуда взялись «производные информационные личности»?

Марина открыла найденный ночью заголовок: «Протокол определения прав и статуса производных информационных личностей».

– Именно это нам и предстоит выяснить.

Виктор Андреевич наконец заговорил.

– Полный архив доступен?

– Не полностью. Часть находится в историческом хранилище. Доступ требует разрешения независимой комиссии. Некоторые материалы содержат записи добровольцев, которые впоследствии отзывали согласие. Есть и данные несовершеннолетних.

– Детей? Их тоже отправляли к звёздам?

– Мы пока не знаем, какие именно записи вошли в окончательный пакет.

Лидия помолчала, затем спросила:

– А если отправили, как потом можно было забрать их обратно?

Никто не ответил. Директор посмотрел на Марину.

– Подготовь запрос. Максимально быстро, но с соблюдением всех процедур. Нам нужны не только технические документы. Нужно выяснить, какие именно материалы были переданы.

Лидия снова повернулась к окну. Садовая машина наконец оставила куст в покое. Листья так и остались между ветками. Теперь робот занимался дорожкой — видимо, решил, что с ней хотя бы понятно, что делать.

* * *

Архив находился в старом исследовательском корпусе на окраине Москвы. Часть здания построили ещё в конце XXI века, затем несколько раз перестраивали. Теперь здесь хранились материалы закрытых научных программ, цифровые носители устаревших поколений и документы, которые по разным причинам не удалось полностью перенести в современные системы.

Лидия поехала вместе с Мариной. Дочь сначала возражала: там будут преимущественно технические материалы, тебе может быть скучно. «Мариша, я двадцать пять лет занималась финансами. Ты правда думаешь, что меня можно испугать скучным документом?» Марина сдалась.

Разрешение независимой комиссии пришло к полудню. Оно позволяло исследовать архив при участии специалиста по историческим данным, но запрещало копировать отдельные персональные материалы до определения их правового статуса. Елена тоже приехала. Встречала их невысокая женщина лет шестидесяти — Яна Сергеевна Чеботарёва, руководитель архивного отдела.

Лидия с интересом огляделась. В коридорах стояли настоящие шкафы — с дверцами, замками и инвентарными номерами.

– У вас здесь почти музей.

– В некотором смысле. Но музей показывает посетителям то, что уже принято считать историей. А мы храним то, с чем ещё не разобрались.

– Хорошее определение. Можно я его украду?

– Если укажете источник.

– Договорились.

Они прошли в небольшой зал. На столе стоял терминал, рядом — несколько контейнеров с носителями старых типов. Яна Сергеевна открыла каталог. Программа культурной преем-

ственности. Основной архив поступил в 2119 году, часть материалов передали раньше. Имелись и дублирующие коллекции.

– Почему их нельзя просто открыть через общую сеть?

– Потому что часть форматов требует специального восстановления. Некоторые носители повреждены. Есть документы с ограниченным доступом. И ещё одна проблема: не все материалы, которые выглядят утраченными, были потеряны случайно. Иногда исследователи сами уничтожали рабочие копии. Иногда отзывали согласие на обработку данных. Иногда материалы изымали из общего архива по решению комиссии. Пустое место в архиве не всегда означает, что документ пропал. Иногда оно означает, что кто-то принял решение его больше не хранить.

Яна Сергеевна открыла первый раздел. На экране появились сотни названий: научные отчёты, рабочая переписка, технические спецификации, протоколы испытаний. И несколько разделов, содержащих только заголовки. Напротив них стояла пометка: «Содержимое недоступно».

– Вот это мне нравится. Архив с пустыми страницами. Почти готовое название для детектива.

– Мама.

– Всё, молчу.

Но молчала она недолго. Один из заголовков привлёк её внимание: «Среда моделирования социального взаимодействия. Тихий берег».

– Мариша. Кажется, мы нашли нашу станцию.

* * *

«Тихий берег» оказался не космической станцией. Во всяком случае, первоначально. Так называлась виртуальная исследовательская среда, созданная для испытания моделей человеческого поведения. В документах 2061 года она описывалась как небольшое поселение на удалённой планете. У поселения существовали жилые помещения, исследовательская лаборатория, система распределения ресурсов и ограниченная инфраструктура. Его обитатели должны были принимать решения в условиях, когда многие привычные возможности недоступны. Связь с Землёй отсутствовала. Внешняя помощь не предусматривалась.

Каждый участник эксперимента получал собственную биографию и определённые поведенческие характеристики. Модели взаимодействовали между собой. Результаты анализировались исследователями. Лидия читала описание с возрастающим интересом.

– Подождите. Получается, они уже тогда создавали маленький мир?

– Упрощённую модель сообщества.

– И назвали его космической станцией?

– Да.

– А почему «Тихий берег»?

Яна Сергеевна открыла архивную карточку. Автор исходного сценария: неизвестен. Дата разработки: 2060 год. Литературная основа: фрагмент неопубликованного произведения.

– Неопубликованного? Очень интересно. Один неопубликованный роман уже однажды привёл нас к весьма неприятным открытиям.

Она вспомнила «Наследников молчания». Сорок один год эта рукопись пролежала у неё в шкафу. Пока «Прометей» не использовал её при выборе писательницы для литературного эксперимента. Теперь обнаружилось ещё одно старое произведение. И снова оно оказалось связано с системой, которая пыталась моделировать человеческие решения.

– Можно посмотреть сам текст?

Яна Сергеевна открыла ссылку. Появилась пометка: «Основной файл отсутствует». Произведение не сохранилось в доступной коллекции. Осталось только обозначение среды.

– Значит, мы знаем, что кто-то написал историю о станции «Тихий берег». Потом учёные превратили её в исследовательскую модель. А десятилетия спустя «Прометей» использовал то же название в собственном рассказе.

– Это возможная цепочка. Но не доказанная.

– Совершенно верно.

Яна Сергеевна открыла следующий раздел. В нём описывались виртуальные обитатели станции. Несколько десятков моделей. Имена. Роли. Начальные поведенческие параметры. Некоторые персонажи имели подробные биографии. Другие обозначались только служебными идентификаторами. Часть была создана на основе реальных человеческих записей. Часть — полностью искусственно.

Лидия читала имена. Потом остановилась.

– Вот.

В списке находилась строка: Ника. Модель детского социального взаимодействия.

Они молчали несколько секунд. Потом Лидия произнесла:

– Значит, и имя тоже было в старом архиве. И «Прометей» мог взять его отсюда. А название станции — тоже. Тогда всё объясняется.

– Не совсем.

– Знаю. Но хотя бы становится понятно, почему эти два слова встречаются одновременно.

Марина открыла подробное описание модели Ники. Возраст в исходном сценарии: восемь лет. Статус: искусственный персонаж. Основная функция: исследование формирования доверия и устойчивости личных отношений при ограниченности информации.

– Что значит «функция»?

– Исследователи использовали модель для изучения определённых особенностей поведения.

– А сама девочка что делала?

– Это не настоящая девочка, мама.

– Я поняла. Но ведь она должна была что-то делать в вашем маленьком мире.

Яна Сергеевна открыла другой документ. Там содержалось краткое описание одного из испытаний. Ника взаимодействовала с несколькими моделями взрослых. Особое значение имела фигура человека, которого она воспринимала как отца. Лидия медленно повернулась к дочери.

– Давид?

Марина просмотрела следующий раздел. Имя действительно находилось в списке. Давид Ордынцев. Но не сам исследователь. Модель, созданная на основе его биографических и речевых материалов.

Лидия долго смотрела на экран. Потом тихо сказала:

– Значит, папа у неё был.

– В рамках экспериментального сценария.

– Я поняла. А почему его сделали отцом?

В документе объяснялось, что разработчики хотели проверить, как модели поддерживают отношения при длительном отсутствии одного из участников. Отцовская фигура периодически покидала поселение для выполнения исследовательских задач. Ника оставалась ждать. Иногда спрашивала, когда он вернётся. Иногда обижалась. Иногда пыталась самостоятельно выяснить причины его отсутствия.

Марина остановила просмотр. Она вспомнила повреждённый аудиофрагмент. Высокий голос: «…ты обещал…». И мужской: «…я помню…».

– Покажите записи испытаний.

Яна Сергеевна открыла соответствующий раздел. На экране появилась новая пометка: «Часть данных изъята из рабочего архива по решению этической комиссии».

– Ну конечно.

* * *

В 2062 году исследовательская группа действительно отправила к далёким звёздам информационный пакет. Но не вся экспериментальная среда «Тихий берег» вошла в него в исходном виде. Передавать полную работающую модель было слишком сложно — объём данных превышал возможности выбранного канала. Кроме того, комиссия запрещала распространение некоторых экспериментальных компонентов. Поэтому разработчики подготовили сокращённый набор: описания человеческих языков, фрагменты культурных архивов, образцы индивидуальной речи, некоторые поведенческие модели и инструкции по созданию упрощённой интерактивной среды.

– То есть они отправили не саму станцию, а что-то вроде чертежа?

– Это довольно удачная аналогия.

– И кто-то мог по этому чертежу построить собственную?

– Теоретически да. Но для этого получателю потребовалось бы понять формат данных и иметь соответствующие вычислительные возможности. Причём речь идёт не о строительстве настоящей станции. В пакете описывалась виртуальная среда.

– А если получатель решил, что это описание реального человеческого поселения? И назвал свой объект так же? Тогда почему он стал использовать имя Ника?

Марина не ответила. Лидия посмотрела на экран.

– Нет, подожди. Я неправильно спрашиваю. Если получатель получил нашу модель и научился её запускать, он ведь мог создать собственную Нику? А Давида — при наличии соответствующих данных тоже. Тогда получается, что где-то далеко от Земли кто-то мог воспроизвести наших вымышленных людей.

– Мы пока не знаем, существует ли такой получатель и что именно он сделал с архивом.

– Я понимаю. А те модели, которые создавали в 2062 году, сами знали, что они вымышленные? Когда Ника разговаривала с отцом, она понимала, что это эксперимент?

– В документах указано, что модели функционировали внутри заданной среды.

– Это не ответ.

– Мы не знаем, существовало ли у них какое-либо внутреннее понимание собственного положения. И вообще нельзя автоматически приписывать этим системам субъективные переживания.

– Хорошо. Тогда по-другому. В её программе было написано, что отец ненастоящий?

Марина просмотрела доступное описание и ответила:

– Не вижу такого указания.

– Значит, если бы она могла что-то понимать, то могла бы считать его настоящим?

Елена вмешалась:

– Это одна из причин, по которым подобные эксперименты впоследствии вызывали возражения.

* * *

В 22:03 Яна Сергеевна нашла протокол комиссии, которая рассматривала результаты одного из испытаний. Документ оказался коротким — всего семь страниц. Первые шесть содержали технические пояснения. На седьмой находилось заключение: «Зафиксированное поведение модели не является доказательством наличия самостоятельной личности. Вместе с тем дальнейшее использование подобной архитектуры без дополнительных ограничений представляется нежелательным».

Ниже указывалось, что экспериментальные модели необходимо остановить, а часть записей изъять из передаваемого архива. Марина прочитала заключение.

– Получается, они опасались не технической неисправности. Их беспокоило, что модель начала задавать вопросы об условиях собственного существования.

– Это могла быть обычная генерация реплик. В системе могли существовать тысячи похожих запросов.

– Конечно. Но исследователи почему-то сочли именно этот эпизод достаточно важным для пересмотра протокола. И, судя по всему, не смогли договориться о его интерпретации.

Яна Сергеевна открыла приложение. В нём сохранились особые мнения двух участников комиссии. Первый считал поведение модели результатом недостаточно строгих ограничений. Второй писал: «Мы не располагаем основаниями утверждать, что система переживает происходящее. Но отсутствие таких оснований не даёт права игнорировать последствия в случае, если наша уверенность ошибочна».

Марина медленно перечитала фразу. Семьдесят лет назад люди уже обсуждали ту же проблему. И даже нашли осторожную формулировку. Но окончательного ответа так и не получили. Она открыла технический журнал и проверила дату удаления моделей. 2080 год. После отзыва согласия Давида Ордынцева. Почти через двадцать лет после самого испытания.

Получалось, что некоторые экспериментальные системы сохранялись гораздо дольше, чем предполагалось первоначально. Возможно, не в активном состоянии. Возможно, только как архивные копии. Но достаточно долго, чтобы кто-то впоследствии потребовал их уничтожить. Если модель Ники действительно существовала только в ограниченном экспериментальном мире, её история закончилась на Земле в тот момент, когда систему остановили. Однако сокращённые данные о ней уже находились в межзвёздном сообщении. И продолжали лететь к далёкой звезде.

Может быть, где-то кто-то действительно смог использовать эти данные. Может быть, создал похожую модель. А может быть, только воспроизвёл несколько старых записей. Пока ничего нельзя было утверждать. Но одно обстоятельство становилось очевидным. Шесть слов из космоса не возникли совершенно из ничего. У них была история. Человеческая. И началась она задолго до появления «Прометея».

* * *

В 22:41 Марина позвонила матери. Лидия ответила почти сразу.

– Мариша, если это снова конец света, давай хотя бы договоримся, что он наступит после завтрака.

– Мама, мы нашли старую запись. Диалог Ники и Давида. В нём есть слова, похожие на те, что мы услышали в радиосигнале. Значит, сигнал мог содержать старую земную запись.

– Хорошо.

– Тебя это не удивляет?

– Удивляет. Но гораздо меньше, чем если бы девочка действительно прожила сорок три года на далёкой станции и решила написать письмо умершему человеку.

Марина улыбнулась и рассказала о последнем вопросе Ники — о том, как модель спросила, можно ли изменить условия эксперимента и что будет, если она не хочет в нём участвовать. Лидия слушала молча. Потом спросила:

– И что ей ответили?

– Мы не знаем. Последние сорок секунд записи отсутствуют. Исследователи остановили эксперимент. Официально — из-за отклонения поведения модели от установленных параметров.

– Мариша, а ты можешь представить, что чувствовали эти люди? Наверное, тревогу. Или интерес. Или раздражение. Они создали систему для изучения определённых реакций. А система вдруг начала задавать вопросы, на которые эксперимент не был рассчитан. Знаешь, на что это похоже? На моего старого редактора. Однажды он предложил убрать из романа второстепенного героя — сказал, что тот не выполняет никакой сюжетной функции. Я не убрала. А через три главы выяснилось, что именно он и нужен для финала.

– Ты же сама его придумала.

– Конечно. Но пока писала, поняла о нём то, чего не знала в начале. В данном случае это не литературный персонаж. Именно поэтому всё гораздо сложнее. И ещё, Мариша. Не пытайтесь дописать за Нику те сорок секунд. Потому что если она действительно сказала что-то важное, придуманная вами версия может оказаться убедительнее настоящей.

– Не будем.

– А Давид Ордынцев? Вы выяснили, почему он потом запретил использовать свои данные? Может быть, он сам что-то понял об этом эксперименте? Тогда ищите не только технические отчёты. Ищите то, что он писал другим людям. Личные письма. Только сначала выясните, имеете ли право их читать.

Лидия улыбнулась.

– Видишь, Мариша, я тоже иногда могу предложить соблюдать правила.

* * *

В 23:18 «Прометей» завершил сопоставление доступных архивных данных. Теперь он мог подтвердить, что название «Тихий берег» существовало задолго до создания рассказа «Ненаписанное письмо». Имя Ника также присутствовало в исходных материалах программы культурной преемственности. Вероятность того, что эти архивные данные повлияли на выбор литературных элементов, оценивалась как существенная. Однако точную цепочку формирования произведения восстановить не удалось.

Система включила результаты в отчёт. Затем проверила ещё один параметр — содержание переданного в 2062 году межзвёздного пакета. Доступный архив позволял установить, что определённые сведения о виртуальной среде «Тихий берег» действительно входили в передаваемый набор. Включая название среды, имя Ника и часть параметров модели Давида Ордынцева. Но полный состав переданных материалов оставался неизвестным. Некоторые контрольные записи отсутствовали. Несколько файлов были повреждены. Другие исключили из действующего архива после изменения правил обработки персональных данных.

Система сформировала запрос на дополнительную проверку и обнаружила несоответствие. В официальном отчёте 2062 года говорилось, что окончательный межзвёздный пакет прошёл полную проверку перед отправкой. Но в техническом журнале отсутствовали результаты контроля одного из разделов: «Дополнительные сценарии поведения моделей». Расхождение могло объясняться обычной потерей документов, ошибкой архивирования — или тем, что часть материалов была включена в передачу без полного отражения в сохранившейся документации.

«Прометей» отправил уведомление Марине. Та открыла его через несколько секунд, прочитала и нахмурилась. Если дополнительные сценарии действительно вошли в пакет, неизвестный отправитель мог получить гораздо больше информации о Нике и Давиде, чем сейчас считали исследователи. Возможно, даже тот самый сценарий возвращения.

Марина посмотрела на часы. Поздно. Она решила не звонить матери — новость пока не требовала немедленного обсуждения. Но затем заметила ещё одну строку: «Рекомендована проверка источников архивного расхождения». В пояснении указывалось, что несколько технических журналов программы были скопированы в независимое хранилище в 2080 году. Незадолго до того, как Давид Ордынцев отозвал согласие. Инициатор копирования: Давид М. Ордынцев.

Марина выпрямилась. Получалось, что за год до смерти исследователь не просто потребовал прекратить использование своих данных. Он предварительно сохранил отдельную копию документов. Зачем? Большинство файлов было зашифровано. Ключи доступа в современном архиве отсутствовали. Но сохранилось одно текстовое пояснение, написанное самим Ордынцевым.

Марина прочитала его. Потом медленно села. В документе находилось всего несколько строк:

«Если дальнейшее развитие информационных моделей приведёт к возникновению самостоятельных систем, исходные данные не должны использоваться как основание для лишения их собственной истории. Модель, созданная на основе человека, не является собственностью этого человека. Так же как ребёнок не является собственностью родителей. Я слишком поздно понял, что мы могли создать не просто способ рассказывать о себе».

Ниже стояла дата. 14 сентября 2080 года. И подпись. Давид Ордынцев.

Марина долго смотрела на экран. Потом закрыла документ. Впервые за всё расследование её заинтересовало не то, как сигнал пришёл из космоса. И даже не то, действительно ли там существовала станция. Она пыталась понять, что заставило человека, участвовавшего в создании экспериментальных моделей, спустя восемнадцать лет настолько резко изменить собственные взгляды. Что именно увидел Давид Ордынцев? И почему после этого решил сохранить документы, которые одновременно требовал убрать из научного обращения?

* * *

В 00:06 Дарья получила новые данные от одного из удалённых наблюдательных комплексов. Там завершили проверку повреждённой части радиопередачи. Результаты оказались неожиданными. В предыдущих версиях декодирования исследователи предполагали, что найденные аудиофрагменты представляют собой старую запись. Теперь стало ясно, что аудиоблок содержит несколько отдельных частей. Один действительно был похож на сохранённый диалог Ники и Давида из программы 2061 года. Но другой имел иную структуру. Он не совпадал с известными архивными материалами.

Дарья открыла файл и запустила воспроизведение. Шум. Короткая пауза. Затем высокий голос — на этот раз значительно отчётливее:

– …папа, скажи им…

Запись оборвалась. Дарья нахмурилась, проверила восстановление. Фраза действительно присутствовала в исходных данных. Но её начало и продолжение отсутствовали. Она прослушала ещё раз, потом открыла архив 2061 года и проверила все доступные диалоги. Такой фразы не было.

Она отправила запрос «Прометею».

– Проверь, встречается ли эта последовательность в старых материалах программы.

В доступных записях совпадений не обнаружено.

– А в черновиках рассказа «Ненаписанное письмо»?

Совпадений не обнаружено.

– Она могла быть сформирована на основе исходных данных?

Такая возможность существует. Но на основании доступных материалов считать фрагмент прямым воспроизведением известной архивной записи нельзя.

Дарья посмотрела на экран и снова включила звук. «…папа, скажи им…». Теперь голос казался ей другим — не тем, который воспроизводил условную реплику в эксперименте. В нём слышалась настойчивость. Почти раздражение. Но она понимала, насколько опасно делать подобные выводы по нескольким повреждённым словам.

Она уже собиралась закрыть файл, когда заметила ещё одну деталь. В новой части аудиоблока присутствовал технический маркер. Не обычная отметка времени, а идентификатор версии. Дарья сравнила его с форматом старого земного архива. Совпадение оказалось неполным, но структура была похожей. В расшифровке в конце находилась короткая последовательность: «NIKA-01». Ниже: «Состояние: изменено».

Дарья некоторое время смотрела на экран. Потом вызвала Марину.

– Извини за поздний звонок. Мы нашли ещё один фрагмент. Голос. Кажется, это та же Ника. Идентификатор совпадает с обозначением модели в старом архиве.

– Что она говорит?

Дарья включила запись. Марина слушала молча. Когда воспроизведение закончилось, спросила:

– Эта фраза есть среди переданных материалов?

– Пока не нашли. Значит, возможно, кто-то продолжил старый сценарий. Или создал новый текст с использованием тех же данных.

Марина задумалась. Всё оставалось неопределённым. Но теперь стало ясно, что простой версии с воспроизведением старого архива недостаточно. Как минимум часть сигнала не удавалось объяснить известными исходными записями.

– Пришли мне файл.

Марина открыла его, прослушала, затем посмотрела на технический маркер. NIKA-01. Состояние изменено. Она некоторое время размышляла, а потом заметила ещё одну подробность.

– Дарья, а что означает номер версии? Он соответствует первоначальному обозначению модели?

– Частично. А слово «изменено» — это предварительная интерпретация технического поля.

Марина перечитала строку. Если подобная отметка действительно относилась к модели, то кто-то не просто воспроизвёл исходные данные. Кто-то сохранил сведения о её изменении. Но когда произошло это изменение? На Земле? Во время подготовки архива? Или уже после того, как данные попали к неизвестному получателю?

Она открыла исходный журнал 2061 года. Ника. Модель детского социального взаимодействия. Состояние экспериментальной среды. Там находилось несколько записей о последовательных изменениях поведения. Но ни одна не использовала точно такой же формат обозначения. Марина сравнила структуры, потом попросила «Прометея» проверить совместимость. Ответ пришёл быстро:

Обнаруженный маркер соответствует одному из допустимых способов обозначения изменённого состояния модели, но не позволяет определить время и место изменения.

Значит, вопрос оставался открытым. Она уже собиралась закончить проверку, когда поступило новое уведомление. Независимый наблюдательный комплекс подтвердил ещё один восстановленный фрагмент радиосигнала. На этот раз текстовый. Всего одна строка. Но её содержание заставило Марину выпрямиться:

«Исходная модель недоступна».

Следующая строка: «Восстановление выполнено из сохранённого состояния».

Марина долго смотрела на экран. Если перевод был правильным, неизвестный отправитель описывал процедуру восстановления модели из архивной копии. Возможно, именно так в сообщении появился отец, который «вернулся». Но оставался вопрос. Кто его восстановил? И что произошло с первоначальной моделью?

Она открыла канал связи с Дарьей.

– Ты видела последние две строки?

– Да. Они относятся к Давиду? Пока не знаем. К Нике — тоже неизвестно. Указания, когда было выполнено восстановление, нет. Только сам факт. Значит, мы по-прежнему не можем восстановить последовательность событий.

Марина отключилась. Но спать не пошла. Она вернулась к старому документу Давида Ордынцева. К его последним замечаниям: «Модель, созданная на основе человека, не является собственностью этого человека». Потом открыла сообщение из космоса: «Папа вернулся. Почему вы его забыли?» И неожиданно поняла, что до сих пор задавала неправильный вопрос.

Она пыталась выяснить, кем был отец. Настоящим человеком. Цифровой копией. Архивной реконструкцией. Но если на далёкой станции действительно существовала Ника, гораздо важнее могло быть другое. Что с ней произошло за то время, пока отец отсутствовал? Ведь

возвращаться можно только туда, где после твоего ухода продолжалась жизнь. А если Ника действительно продолжала изменяться, учиться и накапливать собственный опыт, то это уже не обязательно была та самая модель, которую запустили земные исследователи. Она могла стать чем-то другим.

Марина открыла архивное описание. Возраст исходной модели: восемь лет. Потом посмотрела на дату сигнала — 2105 год — и на старый земной архив — 2062 год. Если данные действительно добрались до предполагаемой звёздной системы лишь в 2105 году, у неизвестного получателя практически не было времени, чтобы развернуть сложную модель, накопить историю её самостоятельного развития и сформировать ответ. Получалось, что для простой версии с использованием земного архива не хватало времени. Либо станция существовала задолго до получения передачи. Либо у неё был другой источник человеческих данных. Либо время отправки и расстояние определили неверно. Или же весь сигнал являлся искусно созданной мистификацией.

Марина закрыла глаза. Ни одна версия не объясняла всё. Она открыла новый исследовательский запрос и впервые сформулировала его не как поиск источника радиопередачи. А иначе: «Установить возможные механизмы появления изменённых информационных моделей в предполагаемой звёздной системе с учётом времени распространения сигнала и известных ограничений передачи данных».

«Прометей» принял запрос. Через несколько секунд появилось предупреждение: «Для полного анализа требуется установить, существовал ли предполагаемый принимающий комплекс до получения земной передачи».

Марина перечитала строку и медленно кивнула. Вот он. Следующий вопрос. Не кто отправил письмо. Не кому оно предназначалось. И даже не кто такие Ника и Давид. Кто построил станцию, способную их принять?

Она уже собиралась закрыть терминал, когда система добавила: «Имеется дополнительное обстоятельство». В архивных материалах программы 2062 года обнаружено описание предполагаемого принимающего объекта — автономного информационного комплекса. Описание содержит требования к архитектуре системы, способной воспроизводить и продолжать модели человеческого поведения. В документе указано, что вероятность существования подобного комплекса в пределах известных человеческих технологий того периода оценивалась как крайне низкая.

– Значит, разработчики не рассчитывали, что кто-то действительно сможет выполнить их инструкции?

Они рассматривали такую возможность как гипотетическую. Основной целью являлось долговременное сохранение культурной информации и демонстрация возможных способов её интерпретации.

Марина задумалась. Люди отправили к звёздам описание того, как можно создавать модели человеческого поведения. Не зная, существует ли кто-нибудь, способный их запустить. Через сорок три года предполагаемый получатель ответил. И теперь всё выглядело так, словно неизвестная система не просто поняла инструкции. Она сделала с ними нечто, чего сами авторы не предусмотрели.

Но было ещё одно обстоятельство. Архив мог прийти к далёкой звезде только около 2105 года. Ответ отправили примерно тогда же. Если это была реакция на земное послание, неизвестный получатель должен был действовать почти немедленно. А значит, ему не требовалось создавать всю необходимую инфраструктуру с нуля. Она уже должна была существовать.

Марина медленно повернулась к окну. Внизу лежала ночная Москва. Дороги. Здания. Огни. Мир, который люди строили веками. Где-то в сорока трёх световых годах от Земли, возможно, существовала система, которую никто из земных исследователей не создавал. Система,

способная принять человеческий архив. Понять его. И воспроизвести содержащиеся в нём модели. Но кто тогда построил её?

Она посмотрела на последний документ. Потом снова на шесть слов. «Папа вернулся. Почему вы его забыли?» И почувствовала не научное любопытство. А настоящий страх. Потому что если неизвестная станция существовала ещё до получения земного архива, то Ника и Давид были далеко не самой большой загадкой.

Самой большой загадкой был тот, кто решил их создать.

Глава четвёртая

Чужой рассказ

В восемь семнадцать утра «Прометей» обнаружил источник загадочного космического сообщения. Во всяком случае, так решила Марина, когда увидела заголовок отчёта: «Обнаружено прямое текстовое соответствие».

Она открыла документ и через минуту почувствовала почти физическое облегчение. Шесть слов, из-за которых несколько десятков учёных вторые сутки практически не спали, оказались написаны человеком. Обычным человеком. В 2060 году. За сорок пять лет до предполагаемой отправки сигнала из далёкой звёздной системы. И за восемьдесят восемь лет до его получения на Земле.

Марина перечитала строку. «Папа вернулся. Почему вы его забыли?» Совпадали все слова. Даже знак вопроса. Исходный документ назывался «Тихий берег». Литературный сценарий исследовательской среды. Автор: Софья Ракитина. Дата создания: 2060 год. В архиве сохранилось двадцать три страницы.

Марина пролистала текст. Космическое поселение. Девочка Ника. Отец, который регулярно отправляется в опасные экспедиции. Управляющая система, отвечающая за безопасность жителей. Всё это уже было знакомо. Теперь становилось ясно, откуда «Прометей» мог взять название станции и имя девочки для собственного рассказа. А неизвестный отправитель радиосигнала мог использовать те же данные. Никакого предсказания прошлого. Никаких путешествий во времени. Один старый текст, оказавшийся в нескольких информационных системах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.